

## О гендерном сдвиге в сообществах Севера России (Размышления о конференции 2–6 мая 2008 г. в Цесвайне, Латвия)

**Н.Л. Пушкарева**

2–6 мая в живописном городке Цесвайне (Мадонский р-н, Латвия) развернула работу международная конференция, организованная представителями Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, германским Институтом социальной антропологии им. Макса Планка и Национальным центром научных исследований (Париж, Франция) при финансовой поддержке Фонда Веннер-Грен. Ее название – «Гендерный сдвиг в сообществах Севера России (*Gender Shift in Northern Communities of Russia*)» – довольно точно характеризует цели, которые преследовало это международное мероприятие – подвергнуть перекрестной оценке результаты исследовательского анализа представителями разных академических школ и институций тех радикальных изменений в отношениях между полами и семейной организации, которые инициаторы конференции номинировали как «гендерный сдвиг».

Подготовка конференции велась более полутора лет группой ученых из нескольких стран. Все участники разослали тексты своих выступлений за месяц до конференции, так что и сами докладчики, и комментаторы, и заранее согласованные с выступавшими комментаторы-оппоненты имели возможность детально разобраться в представленных текстах заранее, предметно обсудить их на заседаниях. Поставленная цель была успешно выполнена. Высказанные в ходе работы форума взгляды, концепции и мнения социальных антропологов, гендерологов и этнографов из восьми стран (Российской Федерации, Венгрии, Великобритании, Германии, США, Финляндии, Франции, Эстонии), изучающих повседневную жизнь как народов Севера (проживающих на территории РФ), так и расселившихся на данной территории русских, нашли концентрированное выражение в живых дискуссиях буквально по каждому докладу.

Применяя термин «северные сообщества», участники конференции имели в виду всю европейскую часть Русского Севера (от Северо-Западного региона и Карелии до Урала), Сибирь и север Дальнего Востока, поскольку «указанный регион был классическим исследовательским полем этнологов и антропологов с самого начала суще-

---

**Наталья Львовна Пушкарева** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

ствования этих научных дисциплин». Объединение в рамках одной научной встречи исследователей европейского и зауральского регионов оказалось необычным, нетрадиционным, но зато побуждающим к дискуссиям.

Поскольку и само понятие «гендерный сдвиг» понималось участниками дискуссий по-разному (одна – и весьма значительная – часть докладчиков понимала под ним нетипичность содержания женской и мужской ролей в традиционных северных сообществах на протяжении XX в., другая – изменения в характере гендерного контракта, возникшие под влиянием социально-политических трансформаций последних полутора десятков лет), постольку обнаружение и сопоставление взглядов оказалось более чем плодотворным. По сути, это были презентации различных теоретических подходов, представляющих разные академические школы и традиции изучения. Три дня напряженной работы оставили впечатление живого и заинтересованного общения, а разница в восприятии тех или иных вопросов, разнообразие подходов к их решению стимулировали мысль и вдохновляли на дальнейший обмен идеями – уже вне рамок формальных обсуждений. Участники конференции оказались разделены на две группы: 1) использующих феминистскую и гендерную методологию в оценках современного состояния социоантропологического знания и 2) пользующихся иными, чаще всего – традиционными, весьма дескриптивными приемами изучения. От теоретической ангажированности аналитика, как выяснилось, зависели не только постановка основного аналитического вопроса, не только приемы и методы работы, но и конечные оценки: любой исследовательский проект не бывает свободен от предпонятий и того теоретического багажа, который заложен в аналитике условиями социализации, образованием и профессиональным становлением.

Сбор материала с позиций историка и фольклориста традиционного научного воспитания, как выяснилось, может вести к утверждению и укреплению стереотипов – как этнических, так и гендерных (ретро-дискурс, ретро-ностальгия). Их преодоление, освоение гендерной концепции (в основе которой лежат понятия теоретического феминизма), ориентация на программу подлинного равенства возможностей мужчин и женщин – с точки зрения другой группы исследователей (гендерночувствительных) – моральный императив современного этнолога. Для последних было важно определить в рамках научной встречи, насколько гендерная теория и концепция релевантны изучению традиционных сообществ пастухов, охотников, рыболовов Крайнего Севера? Насколько западные концепты «эмансипации» применимы к такому региону «застойной традиционности» «почти каменного века».

Кроме того, «неединодушие» участников конференции оказалось связано и с географической поляризацией: примерно треть докладов была посвящена (географически) Северо-Западу РФ, один – Центральной Сибири, остальные же – результатам изучения «гендерного сдвига» в среде коренных малочисленных народов Сибири, где влияние западных концепций «гражданского общества» мало или ничтожно.

*Н. Пушкарева* (ИЭА РАН, Москва), говоря о методах и подходах к изучению изменений гендерной системы в регионе Север – Северо-Запад РФ, подчеркнула, что

медленная трансформация гендерной системы в РФ в целом – факт неоспоримый, однако вопрос о том, какую роль в ней играет северный и северо-западный регион, да еще понятый так широко (от западных границ до Дальнего Востока), не имеет однозначного решения. Все зависит от подходов и теоретических концепций, которые разделяет ученый. Докладчица назвала результаты реализации политики «государственного феминизма» в странах Северной Европы «идеал-типической моделью», которую можно использовать, оценивая результаты трансформаций на Северо-Западе России, прежде всего в Карелии и на Кольском п-ове. Особенности демографической истории региона (традиционно низкий возраст брачности и рождения первого ребенка), его «женской истории» (высокий уровень образованности русских женщин в XIX–XX вв., а в советское время и представительниц иных национальностей, их активная жизненная позиция) оказались благодатной почвой для реализации тех проектов и программ, которые были нацелены на осуществление «гендерного сдвига» в регионе.

В лице финской исследовательницы *М. Кульмалы* (Университет Хельсинки, Финляндия) Н. Пушкарёва нашла свою единомышленницу. Наблюдения *М. Кульмалы* касались жизни небольшого города Сортвала в Карелии (20 тыс. жителей) и окружающих деревень. Поскольку город находится в пограничье с Финляндией, финские женские организации находятся в постоянном контакте с этим регионом, в котором отмечается исключительная (в сравнении с иными частями РФ) социально-политическая активность женщин 35–65 лет; они хорошо образованы, многие имеют университетское образование. Исследовательница выделила три типа их активизма: в региональных органах власти, в женских организациях (много литературы, деятельность этих центров и лабораторий хорошо освещена в СМИ) и, наконец, вовлеченных в иностранные проекты (последние нацелены подчас на помощь конкретным семьям и женщинам по принципу «хотите сделать помощь действеннее – она должна быть более семейно-ориентированной»). В обсуждении доклада финской коллеги, однако, прозвучала идея о том, что не стоит преувеличивать влияния НГО, в том числе женских организаций, на население. Комментаторы к тексту *М. Кульмалы* (*Е. Здравомыслова, Н. Пушкарёва*) отмечали, что международные проекты касаются обычно незначительного числа женщин, определенного их слоя, весьма небольшого – а именно интеллектуальной элиты в городе и деревне. Активизм для работниц женских организаций – оплачиваемая работа, а не просто общественная инициатива.

Следствием появления в 1990-е годы грантовой поддержки профессиональных защитниц прав женщин стал не только «гендерный сдвиг» и большая социальная активность женщин, но и рождение новой номенклатуры, новых форм социального партнерства с государством. Неслучайно действующие у нас общественные организации – это, как правило, поддержанные Властью организации социального материнства (Комитет солдатских матерей, Матери против наркотиков), при этом государство не поддерживает создание женских организаций, направленных на подъем женского социального самосознания (но и западные фонды субсидируют, как правило,

именно те из начинаний, которые характеризуют западное понимание гражданского общества). В Карелии эта форма поддержки имела следствием, как стало понятно из доклада финской коллеги, явные результаты и явный гендерный сдвиг: российский женский активизм предстает в этом раскладе как «более социальный», западно-ориентированный – «более политический».

Доклад *Е. Здравомысловой* (ЕУ СПб., РФ) был образцом применения гендерной теории как метода анализа социальной действительности. Сколком ее являются, по мнению докладчицы, изменения в гендерном контракте и в домашней работе, связанные с реинституционализацией института нянь в 1990–2000-е годы в крупных городах РФ и в частности Северо-Запада России. Основной вопрос гендерного контракта (с точки зрения феминистской теории) – это «вопрос о власти», о соотношении частного и публичного пространства и об оценке частного. Если рассматривать уход за детьми как эмоционально нагруженную повседневную социальную практику, гендерно и культурно специфичную, то в советском гендерном контракте ответственными за его выполнение были: работавшие матери, бабушки, детсады и ясли, отчасти – работавшие отцы и «социальные сети» (друзей, соседей, родственников); в известной степени, частью его была и теневая часть экономики (оплачиваемые няни).

К изменениям в гендерном контракте (которые однако, не повлияли на него настолько, что привели к гендерному сдвигу) относятся, по словам *Е. Здравомысловой*, следующие: изменения в бюджете времени бабушек (они работают) и матерей (работают с утра до вечера, иногда имея и нефиксированный рабочий день, такого не было «при советской власти», но это появилось ныне, поскольку матери хотят сохранить уровень профессиональной квалификации). Следствием названных явлений докладчица сочла дефицит времени на ребенка и семью со стороны всех родственников – при всем кажущемся облегчении ухода (рыночной поддержке домашней работы и ухода за детьми). Неравенство, эксплуатация – главная тема любой феминистской работы. Коммерциализованная помощь жене и матери, отметила *Е. Здравомыслова*, – всегда дорогая; та же самая помощь, осуществляемая по зову сердца, как правило, просто незамечаемая.

Измененный гендерный контракт характеризуют и изменения в понимании «хорошего детства» (появление детсадов с особыми направлениями воспитания, типа детсадов по системе М. Монтессори и др.). Уход за детьми (няни) стал очень дорог, поэтому «сидение при детях» позволяют себе ныне либо женщины в очень высокооплачиваемых семьях, либо необразованные, в низших классах. Отдельной темой стала тема безопасности ребенка, отданного няням, которые делятся на «бэбиситтеров» (девочки, студенты, вызываемые на несколько часов) и «традиционных нянь» (живущих вместе с семьей или вне ее), брутализация и монструализация образа няни, которую надо контролитовать технологически (видеокамеры, диктофоны). Традиция же (*Арина Родионовна* и вообще вся русская традиция) ориентирует видеть в нянях «почти-бабушку», однако в этих «почти-бабушках» не находят искомого. Напротив, часто происходит столкновение культур, когда няня оказывается «из глубинки, с

Украины, из Молдавии», а различия в том, что и как воспитывается, остро ощущаются. Гендерный сдвиг ощущается и в том, что нынешние «даватели услуг» ищут в «получательницах услуг» (нянях) «культурно-закрытую и культурно-приемлемую модель» отношений. По мнению докладчицы и участников дискуссии, «гендерный сдвиг» в этой социальной области ведет к обновленному патриархатному гендерному контракту, или неопатриархату: усиливается традиционность в разделении работ, воспроизводится понятие «мужской» и «женской» (ее выполняют няни) работы. В дебатах по докладу М. Кульмала, однако, отметила, что в некрупных городах, где услуги нянь не столь коммерциализированы – скажем, в Карелии, – те же самые предпосылки размывания советского гендерного контракта имели следствием большую вовлеченность отцов в воспитание детей и эрозию традиционных гендерных ролей.

Об определенном – не столько гендерном, сколько этическом – сдвиге в крупных городах России (Красноярске и Новосибирске) говорилось в докладе исследовательниц из Новосибирского университета – Т. Барчуновой и О. Парфеновой. В их проекте речь идет о лесбийских отношениях в среде образованной городской элиты, о том, как они проблематизируются в современном дискурсе, как оцениваются самими участницами «процесса» и их окружением. Новое («постперестроечное») явление – возникновение в таких крупных сибирских городах «тематических клубов» (гей-лесбийских сообществ), посетителям которых не нужно себя чувствовать «исключенными», «странными», «непохожими на других». Особая одежда, опознавательные знаки (асимметричные прически, серьги в одном ухе), особая субкультура и «маскарад» поведенческих практик тех, кто принадлежит к квир-сообществам, – все это свидетельства, с точки зрения докладчиц, кризиса традиционных гендерных сексуальных ролей, представлений о должном воспитании (в некоторых весьма стабильных лесбийских парах воспитываются дети), неумения находить поддержку и сочувствие у обычных, традиционных сексуальных партнеров.

В дискуссии по докладу (П. Витебски) особо подчеркивалась важность сбора таких биографических интервью в других регионах, чтобы можно было понять, насколько картина этих двух сибирских городов типична. Кроме того, отметил комментатор, анализ лесбийских сообществ этнографическими методами схож с анализом процессов религиозной конверсии (перехода в иную религию), поэтому антропологи, изучающие квир-сообщества, должны работать в контакте с теми, кто изучает процессы распространения тех или иных форм религиозности. С точки зрения Е. Здравомысловой, в презентации не хватило оценки насильственного, навязываемого СМИ репрессирующего иные формы проявления сексуальности гетеросексуального дискурса, не желающих принимать нейтральные дефиниции (квир-сообщества), использующих «лейблы» – «розовые», «лесбы» и т.д. Одних биографий для оценки ситуации недостаточно, сказала она, нужен широкий социально-культурный контекст борьбы и сопротивления нормативности.

Остальная (большая) часть докладов так или иначе касалась «гендерного сдвига» у коренных и малочисленных народов Севера РФ – Сибири и Дальнего Востока. В

выступлениях специалистов, изучающих этнографию эвенков (*О. Поворознюк*, ИЭА РАН), коми и ненцев (*О. Хабек*, MPI, Халле, Германия) и чукчей (*В. Ватэ*, CNRS, Париж, Франция) и ставших инициаторами самой конференции, было подчеркнуто, что общая цель встречи – анализ динамики трансформаций мужских и женских ролей через анализ изменчивого поведения мужчин и женщин, их ожиданий и повседневных практик в досоветское, советское и постсоветское время. Возможно ли найти определенные особенности в гендерных режимах рассматриваемого региона? Изменилось ли само понятие традиции, если говорить о традиции сексуального и семейного партнерства? Насколько гендерная концепция (а не только риторика, поскольку гендерными исследованиями стали в последнее время называть любые исследования отношений полов) соотносима с так называемыми традиционными концепциями родства, семьи? И каково методологическое соотношение между советской риторикой и идеологией «окультуривания» малочисленных народов, западными концепциями (гендера в том числе) и западным влиянием (особенно после 1991 г.)?

Все эти вопросы были поставлены в выступлениях инициаторов научного форума, предложивших вместе задуматься над тем, почему этнодемографические исследования семьи и гендерные исследования столь редко пересекаются (только ли риторика разная, а предмет изучения – тот же?), каковы оценки модернизации, индустриализации, а теперь и глобализации (сопровождающейся маркетизацией экономики, распространением культуры потребления, консьюмеризма) гендерологами и сторонниками традиционных методов историописания? В частности, *О. Хабек* предложил задуматься над терминологией, отражающей отношение к коренным и малочисленным народам Севера.

В наличии «гендерного сдвига» у изучаемых ею народов, населяющих п-ов Ямал, выразила сомнение и *Е. Лярская* (МПИ, Халле, Германия). Ее доклад касался общедемографических характеристик: браки ямальцев мононациональны, большинство населения состоит в зарегистрированных или фактических брачных союзах, «забытая» получать соответствующие документы. Женщины ориентированы на брачность и материнство, правда, представительницы молодых поколений предпочитают жить в поселках, в тепле и при электрическом обогреве жилищ, и не хотят сопровождать мужей в тундре. Явные изменения касаются отношения к должности «чумработница», введенной в 1969 г. для оплаты женского труда в тундре через зверосовхозы. В настоящий момент, подчеркнула докладчица, эта должность непрестижна: если «при советской власти» так были трудоустроены 40%, то сейчас – лишь 27%. Эти и другие наблюдения (разводы остаются редкими, как и в старые времена; как и ранее, в наиболее выгодном положении оказываются «средние» дети в семье – именно они могут не помогать родным в тундре, а выбирать путь получения более высокого образования вдали от дома) заставили исследовательницу поставить под вопрос наличие реального «гендерного сдвига» в последнюю четверть века.

Весьма необычный ракурс, также названный докладчицей «гендерным сдвигом», нашла *Л. Винокурова* (Институт малочисленных народов Севера, СО РАН) – автор

презентации по проблеме современной мужественности у якутов. «Сдвиг», в ее понимании, – падение роли мужчин в якутском обществе. Главная проблема, отмеченная ею – рост числа одиноких мужчин, подчас проживающих в общежитиях, «оставляющих» жен и детей, спивающихся, не желающих адаптироваться к сложным, меняющимся условиям. Как исследовательница демографических и гендерных проблем, она отмечает параллельный рост женской общественной активности, стремление женщин к межэтническим бракам, незарегистрированным сожительством (в том числе после рождения детей) – в том числе с «русскими» (так именуют всех, кто не говорит на якутском языке).

В дискуссии по докладу (*А. Венцель* и др.) были отмечены черты повседневности якутов, опущенные в тексте презентации, прежде всего соотношение традиционного и инноваций, семейной патриархальной идеологии и современных концептов, ориентирующих женщин на самореализацию вне семьи. *Е. Здравомыслова* отметила, что кризис мужественности – явление «общепостсоветское», оно характеризует кризис патриархата, «старого порядка» на территории нашей страны (разрыв между тем, что происходит в обществе, и ожиданиями людей и порождает тоску по «настоящему мужчине»). Вот почему проблему «кризиса маскулинности» надо рассматривать всегда в широком контексте, а не только в контексте современного положения малочисленных народов. Эту точку зрения поддержал *П. Витебски*, отметивший, что ту же самую проблему нельзя отделять и от проблемы якутского национализма (поскольку носители идеологии существования опасности «вымирания и исчезновения» бывают очень тенденциозны в оценке ситуации) и от идеологии державности («сильная страна», «сильная семья», «здоровые женщины и дети», поскольку общегосударственная пронаталистская идеология нацелена на увеличение числа межэтнических браков).

*П. Витебски*, представитель Института исследований Заполярья им. Р.Ф. Скотта при Кембриджском университете (Великобритания) в докладе «Возникновение и исчезновение чумработницы» сделал свои выводы на основе анализа жизни эвенков Верхоянской обл. Рабочей гипотезой докладчика был тезис о стремлении советской власти оторвать женщину от земли и сделать тайгу *мужским* местом, маскулинировать тайгу. Между тем традиционное отношение к тайге предполагало комплементарность ролей мужчин и женщин. Столкновение, «сшибка» этих концептов породили не одну трагедию. Например, появление в 1960-е годы тенденции к отрыву детей от родителей и отдаче их в интернаты, пока их родители (оба) должны были находиться в тайге как оленеводы и «чумработницы», привело к тому, что в одном «блоке» оленеводов оказывались отнюдь не члены одной семьи, как бывало ранее и как было традиционно принято, но коллеги по выполнению производственных функций, не связанные родственными узами. В конечном счете все это привело к кризису семейных отношений. Резкое падение уровня жизни эвенков в 1990-е годы привело к закрытию интернатов и возвращению матерям их детей, которые подчас впервые оказывались в тайге после длительного времени (кроме тех, кто хотя бы летние каникулы проводил там) и не имели навыков, необходимых для жизни в таких услови-

ях. Размышляя о возникновении и исчезновении должности «чумработницы» (ими остались лишь женщины средних лет), П. Витебски обратил внимание на рост социальных ожиданий современной женской молодежи, на нежелание девушек выходить замуж за оленеводов («жизнь в тайге нецивилизованная, некультурная», а с оленеводом «поговорить – и то не о чем»). Однако, считает английский исследователь, «последние годы породили некоторые надежды». Они связаны с развитием семейного подряда, поскольку только в случае сохранения семейных форм проживания можно надеяться, что звенки сохранят интерес к оленеводству (case-исследованием такого подряда стала четырехпоколенная семья бригадира одного семейного оленеводческого подряда, в котором жена бригадира – уже не чумработница, а соменеджер этого семейного предприятия).

Выступив комментатором по докладу П. Витебски, Л. Винокурова отметила, что отрыв кочевых пастушеских народов от земли – удар не только по оленеводству как части экономической структуры края, но и по традиционным формам жизни, поскольку основой кочевого пастушества является именно семья. То, что было известно и привычно для бабушек, стало непривычно для внушек, они оказались отчуждены от оленеводства. Е. Здравомыслова, отвечая на комментарии, отметила, что такой дискурс противостоит феминистским оценкам ситуации, которые весьма критически оценивают возродившийся в обществе «ретро-дискурс» (призыв к возврату на старые позиции, ностальгию по традиционности). Оценки статуса женщин-чумработниц, с ее точки зрения, должны вестись в едином контексте с анализом статуса женщин-мигранток (приезжающих из бывших республик СССР, выполняющих неквалифицированную работу – там тоже берут 1–2 женщины, которые обслуживают сразу 6–7 мужчин-мигрантов, иногда и сексуально) и статуса женщин-поварих в геологических партиях.

А. Венцель (Тартуский университет, Эстония) выбрал в качестве темы своего выступления «скрытый пол» – отношение к полу и сексуальности у долган (в сибирской тундре) – в северо-западной части Республики Саха. Проведя там около 8 месяцев в 2000–2001 гг., докладчик собрал уникальный материал, характеризующий как традиционный уклад, так и происходящие в нем изменения. Традиционный уклад и отношение к сексуальности у долган А. Венцель определил как «очень консервативные»: в сообществах критически относятся к «гражданскому браку» (незарегистрированным брачным союзам), престиж семьи является не только моральной, но и экономической категорией, на которой основывается репутация союза, по-прежнему распространены такие институты, как породнение семьями (докладчик назвал это «фиктивным родством»), усыновление/удочерение. В связи с узостью брачного рынка разрешены браки между представителями третьей степени родства. Степень взрослости для вступления в брак определяется окончанием школы (для девочек) и завершением службы в армии (для мальчиков). Двойной стандарт в отношении сексуального поведения в целом сохранился, отметил докладчик: от юноши ожидается большая свобода и смена партнерш, однако та же модель поведения для женщины полагается недопустимой и характеризуется термином «гулящая».

В дискуссии по докладу участники конференции старались выяснить, какие последствия имела «сексуальная революция», случившаяся в РФ в 1990-е годы, на эту часть территории страны, если действительной либерализации дискурса не случилось, основной формой контрацепции остался (как и в советские времена) кондом, возраст сексуального дебюта для девушек и юношей не изменился и число подростковых беременностей не уменьшилось. По мнению докладчика, явными чертами «сдвига» является «несколько иное» отношение к самому дискурсу о сексуальности, слабое нарушение «барьера молчания» (с представителями старшего поколения сами разговоры на эту тему запретны, молодежь же – в отсутствие родителей – в гендерно-сегрегированной компании готова поделиться информацией).

*И. Санта* (Институт этнологии АН Венгрии, Будапешт), продолжая тему дихотомии запретов/разрешений, касающихся сексуальности и флирта у северных народов (которые докладчик назвал «культурами бедности», *poverty cultures*), представил материалы своих наблюдений супружеской и семейной жизни у эвенков, которую он сопоставил с семейной организацией наяка (Южная Индия) (*Bird* 1983). Главной характерной чертой изученных им супружеских союзов веками была традиция разделять все виды работ поровну между супругами. Влияние иерархически организованных семейных организаций других народов, с которыми эвенки находятся в постоянном этноконтакте, имеет следствием «гендерный сдвиг» – разделение труда и отличия в поведении. Общение с бурятами и русскими «познакомило» эвенков с крепким алкоголем, следствием этого «знакомства» стала распространенность соревновательности (в поисках и потреблении крепкого алкоголя, «кто больше»), агрессивных столкновений (у мужчин) и более свободного, «флиртующего» поведения (у женщин). Продолжив полевые исследования, начатые в 1930-е годы Этель Линдгрэн, изучавшей эвенков/тунгусов (она была едва ли не первой феминистской – исследовательницей региона, активно приобщавшей к своему анализу именно рассказы женщин) (*Lindgren* 1936, 1938: 605–621), докладчик подчеркнул необходимость обращать особое внимание – при сборе полевых материалов, интервью – не только на социально-экономические, но и на социально-эмоциональные аспекты. Такой подход, считавшийся десятилетиями «не вполне научным», вполне применим, подчеркнул И. Санта, при исследовании отношений эвенков с андаками (так эвенки именovali не только и не просто своих русских торговых партнеров, но и тех, с кем женщины-эвенкийки иногда жили по несколько месяцев и в дальнейшем рожали от них детей).

Доклад российской исследовательницы *Т. Сафоновой* (ЕУ СПб., РФ), имевший провокационное название «Сибирские пацанки: исследование автономии женщин-эвенков», также касался сексуальных отношений, супружества и семейной жизни у тунгусов. Свои исследования она ведет одновременно с вышеназванным венгерским коллегой. «Пацанками» она назвала женщин, которые живут самостоятельно в тайге, для которых единственная связь с внешним миром – радиопозывные. Получающие зарплату как мужчины-оленоводы, ведущие подчас мужской образ жизни, нередко

прошедшие через мужской инициационный ритуал *Би-манахан-бехим!* («Я на своем пути») – очень важное действие, подчеркивающее, что выбравший его осознанно ощущает правильность своего выбора и индивидуальную независимость, эти женщины могут быть уже матерями и в то же время вести кочевой образ жизни. Исключительность таких женщин («женщина, не ведшая себя, как женщина» – явление, характерное для многих народов) подчеркивает не столько необычную форму социального эскапизма, сколько форму существования в обществе (которую можно назвать «манахан»).

В дебатах по докладу участники конференции выступили против термина «пацанки» (более относимого к тинэйджерам), более точным были признаны дефиниции «бесполая», «безгендерная», «лишенная гендера», «манахан» (т. е. «на своем пути», обеспечивающем возможность жить одному), «андрогин». Женщина, ведущая себя свободнее, чем мы привыкли ожидать, не является свидетельством смены гендера – это форма андрогинии, комбинации гендерных идентичностей (схожую картину можно увидеть в феминистках первой волны в России, которые стригли волосы, курили, носили другую одежду).

Размышляя о «родстве и гендере» на п-ове Таймыр, Д. Зайкер (Университет Боиз, США) представил свои наблюдения, сделанные на основе приполярной переписи (1926–1927 гг.) и переписей последнего времени, равно как материалов его собственных исследований в бывшей Енисейской губ. (21 месяц с 1994 по 2007 г. – правда, дискретно – провел «в поле», в 250 км от Норильска, в Таймырском госпромхозе/охотхозяйстве). Характеризуя ситуацию в регионе, Д. Зайкер говорил о традиционных занятиях и формах занятости мужчин и женщин (их взаимозаменяемости в простых операциях), о появлении в 1990-е годы «тундровиков» и «тундровичек» – новой специальности, предполагающей и кое-какие женские работы (есть женщины-охотницы, но чаще – ловцы рыбы, работницы животноводства). Главным образом его размышления о «гендерном свиге» касались вопроса о низком уровне рождаемости в этом регионе (0,07 – ниже общемировых показателей даже для вымирающих народов).

Оппоненты Д. Зайкера, выступившие в дискуссии (Е. Лярская, Е. Здравомыслова, О. Хабек), поставили под сомнение вопрос о том, можно ли верить переписям – возможно, по разным причинам в 1920-е годы не были учтены в полной мере жившие там женщины, поскольку налогообложение касалось только мужчин, а в нынешних переписях учитываются все – в этом заинтересована Власть. Отвечая на вопрос, есть ли «гендерный сдвиг», Д. Зайкер высказал свою точку зрения: ныне «родственники разделены, но связи родственные сохраняются», причем только «представительницы коренных народов могут выполнять некоторые мужские работы на равных» (в отличие от русских). Участники дискуссии высказали предположение о том, что официальная статистика «гендерно-слепа»: она акцентирована на сборе информации прежде всего о мужчинах и их занятиях, а не на женщинах и домашней жизни, детях (господствующая культура остается андроцентричной, ее социальный заказ ориентирован прежде всего на мужчин) – патриархатные культуры делают женщин невидимыми.

Одну из самых интересных презентаций представила проф. Пенсильванского университета (США) П. Ретман, автор книги «Пути в тундру: история и гендер на российском Дальнем Востоке» (Rethman 2001). Проведя в начале 1990-х годов более 15 месяцев в корякских селах, на стойбищах оленеводов Камчатки, собирая полевой материал, она решила положить в основу своего анализа жизненные истории корякских женщин. Особость подхода П. Ретман придала презентации гендерно-чувствительный, феминистский уклон. Показывая сложные переплетения этнической истории и межэтнических, межкультурных отношений, она справедливо упрекнула российских ученых в гендерной нечувствительности, малом интересе к этой стороне семейных и брачных отношений, отсутствию интереса к тому, как именно женщины в числе изучаемых этнографами народов видят свое социальное прошлое, свою историю и свои перспективы.

В центре фактологической части ее презентации оказались проблемы переселения коряков-олeneводо в города и поселки, меняющиеся взгляды на гендерные роли и фемининность, влияние новых институтов (школы-интернаты для детей оленеводов, наемный труд не только мужчин, но и женщин), ценности в повседневной жизни мужчин и женщин, новые формы их самовыражения, тяга к западной моде, самоидентификация, национализм. Поозиционируя себя как феминистка, П. Ретман специально подчеркнула, что она собирала именно женские нарративы, их она назвала более «неравнодушными», «эмпатичными», нежели мужские.

Весьма существенные различия в оценках обнаружила П. Ретман и в том, как увидели преобразования в годы советской власти женщины, помнившие традиционное кочевание (а именно: негативно, осуждающе – «они говорили нам, что тайга опасна для нас», что «наши дети, спя на меху в тундре, могут легко простудиться»), и их дети, переживающие по поводу узости возможностей социального подъема в современных поселках, равно как неопределенности жизненных перспектив. Таким образом, П. Ретман поставила проблему, которую стараются отодвинуть обычные (не феминистски-ориентированные) исследователи жизни коряков вообще и корякских женщин в частности. Это проблема различий в оценках достигнутых перемен между поколениями: между теми, кто являет собой воплощение традиции и помнит (по рассказам родителей или по собственным впечатлениям) старый образ жизни, и теми, кто не имеет возможности сравнения и только оценивает видимое ныне. Между тем поколенческий аспект оказывается не просто важным при оценке существующей ситуации, но порой определяющим.

В итоге участники дискуссии и всей конференции в целом пришли к выводу о том, что какие-то изменения (в области семейных отношений или распределения /разделения гендерных ролей) не всегда являются показателем «сдвига», динамика – еще не трансформация, да и понятие традиции – подвижно, создает различные констелляции в зависимости от теоретического багажа аналитика. Конференция выявила (а для иных участников – просто подтвердила) тот факт, что западные антропологи далеко не все и не всегда разделяют постмодернистские и феминистские интерпретации

гендерных отношений и сексуальности, а среди современных российских ученых немало не только тех, кто работает по-старинке, в русле традиционализма, но и тех, кто отлично знаком с современными методами и подходами европейских и американских культурантропологов. Однако согласованность оценок, схожесть интерпретаций, базовых концептов и терминологии – все-таки дело будущего. Единственное, с чем все согласились, – что существует необходимость говорить не только о «гендерном сдвиге», но и о разнообразных и разновременных кризисах – семьи, семейной политики, семейных отношений, традиционности, традиционного распределения ролей в семье и обществе и т.д.

#### *Литература*

- Bird* 1983 – *Bird N.* Conjugal families and single person: an analyses of the Naiken social system. Cambridge: Cambridge University Press, 1983
- Lindgren* 1936 – *Lindgren E.* Notes on the Reindeer Tungus of Manchuria. Their names, groups, administration, and shamans. Cambridge, 1936.
- Lindgren* 1938 – *Lindgren E.* An Example of Culture Contact without Conflict: Reindeer Tungus and Cossaks of Northwestern Manchuria // *American Anthropologist*. 1938. V. 40 (4/1). P. 605–621.
- Rethman* 2001 – *Rethman P.* Tundra passages: History and Gender in the Russian Far East. Pennsylvania State Univ. Press, 2001.